

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**СОВЕТСКАЯ
ПРАВДА**

**Всеволод
Кочетов**

Всеволод Кочетов

Советская правда

Серия «Советский век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67945617
Кочетов В. Советская правда: Родина; Москва; 2022
ISBN 978-5-00180-653-0

Аннотация

В эту книгу включены самые важные произведения последнего коммуниста советской литературы. Это – статьи и речи писателя и мыслителя, написанные от первого лица, без компромиссов. В них – его кредо. Всеволод Кочетов едва ли не первым увидел, что Советскому Союзу угрожает опасность не только с Запада, но и от внутренних врагов – либералов-западников и консерваторов-монархистов. Кочетов вскрывал предательство интеллигенции, отказавшейся служить делу строительства коммунизма, забывшей об интересах пролетариата, которому они формально клялись в верности. Именно поэтому публицистику Кочетова десятилетиями не переиздавали, скрывая от читателей «советскую правду». В этой книге Кочетов-мыслитель возвращается к нам. Читайте самого искреннего коммуниста послевоенной советской литературы!

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Из речи на XXII съезде КПСС	5
Место писателя сегодня	15
Мы многому научились	23
Наш судья – читатель	33
Главное направление	40
Кому отдано сердце	48
Читатель ждет	53
Всегда быть с народом	60
Чернила и кровь	64
Лицо писателя	69
«Колесико и винтик» единого механизма	72
О правде и неправде	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Всеволод Кочетов

Советская правда

© Кочетов В., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Из речи на XXII съезде КПСС

Еще день, может быть, два, и делегаты съезда покинут этот зал. Партийные работники вернутся на свои боевые организаторские посты в республики, в области, в районы. Командиры Советской Армии вновь станут на вахту по охране границ, разъедутся по аэродромам, к ракетным установкам, на корабли. Metallурги наденут защитные синие очки возле доменных и мартеновских печей и поведут очередные плавки. Ученые войдут в свои лаборатории. Хлебобобов ждут их поля, текстильщиц – неутомимые, неумолчные ткацкие и прядильные станки. Каждый новый день вдохновенного труда все будет приближать и приближать советских людей к той заветной поре человечества, программу достижения которой начертал в эти дни наш съезд.

Вернемся к своим рабочим местам и мы, писатели, которых партия с таким обязывающим доверием называет своими помощниками.

Тысячи известных и прославленных и только-только делающих первые шаги в литературе советских писателей вместе со всем народом, волнуясь и радуясь, вчитываются и вслушиваются в каждое слово документов съезда, отчеркивая карандашами на полях газетных страниц те места в докладах, в выступлениях, которые касаются литературы и искусства, те места и слова, которыми определяются участки приложения

писательских сил в грандиозных работах, все шире развертываемых партией.

«Социализм развивается не на своей собственной основе. При всех его гигантских всемирно-исторических достижениях, социализм во многих отношениях – в экономическом, нравственном, правовом и в сознании людей – носит еще отпечаток старого строя, из недр которого он вышел».

Понимание этого положения, выраженного в докладе, в значительной мере определяет наши писательские задачи в выполнении Программы партии. Мы должны видеть все то, что еще осталось в наследство нашему обществу от старого, во впечатляющей художественной форме разоблачать сущность этого старого, отжившего, хотя еще не испутившего дух. Но рядом – и это главное – мы обязаны поднимать все новое, что народилось и рождается в людях по ходу движения нашего общества к коммунизму. Видеть, замечать, утверждать каждую черту нового в человеке и в жизни – самая благородная и самая увлекательная задача литературы и искусства.

Плохая, путаная книга или скверный кинофильм не могут остановить полета нашего электровоза к коммунизму. Но все же они – мусор на пути, и для того, чтобы этот мусор смести с рельсов, нужны излишние затраты сил, которые лучше бы приложить к чему-либо иному, более полезному. И напротив, яркая по художественным достоинствам, сильная, привлекающая своими идеями книга – могучее средство воспи-

тания народа.

«Партия, – как было сказано в отчете ЦК, – исходит из того, что искусство призвано воспитывать людей прежде всего на положительных примерах жизни, воспитывать людей в духе коммунизма». Об этом партия говорит нам не первый раз...

Партия, ее Центральный Комитет всегда помнят о нас, всегда по-отечески заботятся об идейном здоровье нашей писательской организации. И можно насчитать немало книг, вышедших в эти годы, книг, в центре которых – герои положительные, герои подлинно нашего времени: передовые рабочие, передовые ученые, колхозники, партийные работники, люди Советской Армии.

Истина требует сказать, правда, и о том, что есть еще в писательской среде угрюмые сочинители мемуаров, которые больше смотрят назад, чем в сегодняшшний день или в будущее, и, в силу такого искривления взгляда, с усердием, достойным лучшего применения, копаются на свалках своей изрядно подгулявшей памяти, чтобы вновь тащить на свет божий давно истлевшие литературные трупы и выдавать их за нечто еще способное жить.

Истина требует сказать и то, что в литературной среде есть и едва обметанные желтым пушком поэтические – да и прозаические – цыпленки, которым до смерти хочется казаться грозными боевыми петухами.

И тех и других, в общем-то, можно пересчитать по паль-

цам, и не их унылые, однообразные ноты делают музыку в советской литературе. Наша литература велика, многогранна и красочна; она привлекает нашего и зарубежного читателя и формой своей, и богатством идейного содержания...

Прошу меня извинить, товарищи делегаты, но я не могу перечислить и десятой доли имен своих товарищей по оружию, собратьев по перу – пожилых и молодых, – которые в эти годы создали хорошие новые произведения. Немало их сейчас здесь, в зале, с делегатскими мандатами, среди участников съезда строителей коммунизма.

В свое время был решительно отмечен термин «лакировщики», каким эстетствующие критики пытались клеймить писателей, которые с радостью, с гордостью, по зову собственного сердца отдали свое перо служению делу партии. Так о них сегодня уже не говорят... Но зато эстетствующие придумали кое-что старое: они или замалчивают неугодные им произведения, или говорят о них с таким барским пренебрежением, или просто рекомендуют числить их по разряду малохудожественных. Роман о целинниках – «малохудожественно». Роман о делах и думах ставропольских колхозников, пожелавших перестраивать свои села на новый лад, – «не заслуживает внимания, узко, мелко». Роман о металлургах Урала – «коксом пахнет и чугуном», а надо бы, чтоб пахло по меньшей мере лепестками чайной розы.

Художественным такие ценители и судьи литературы скорее посчитают обнародованный типографским способом ре-

зультат копания в дрязгах человеческих, в мелочах быта, в неустройствах и неурядицах. И притом без всякого зазрения совести сошлются на великую литературу, на великое искусство прошлого: вот-де было искусство так искусство.

Что верно, то верно: искусство XIX и некоторых других веков было могуче. Но разве же оно питалось отбросами, отходами человеческого бытия!

Все преодолевающая и все побеждающая любовь, чувство высокого патриотизма, неподкупная верность, готовность к самопожертвованию, мужество и отвага, сила и ловкость, ум, дружба, стремление к высоким идеалам – вот чем вдохновлялись и что воспевали в человеке великие мастера слова, резца и кисти прошлого. Они, конечно, говорили миру и об уродствах, о безобразиях, о подлости, об измене, трусости, вероломстве и продажности. Но для того говорили об этом, чтобы рядом еще выше поднялась красота человека, чтобы она противостояла уродствам и еще ярче расцветала в жестокой и неустанной борьбе с ними. Большая литература, большое искусство всегда стремились распахнуть перед человеком горизонты будущего, вселить в него бодрость, окрылить его и никогда не делали так, чтобы под их воздействием человек почувствовал себя маленьким, жалким, бессильным, чтобы он отказался от борьбы за идеалы, сложил пассивно руки и, понутив голову, отдался бы течению времен и событий.

Советская литература с первого часа своей жизни унасле-

довала эти черты у классической русской и мировой литературы. Социалистический реализм никогда не отвергал критику недостатков. Социалистический реализм рассматривает жизнь во всей ее сложности, во всех противоречиях, в непримиримой борьбе нового, нарождающегося со старым, обреченным. Однобокое, преимущественное изображение только недостатков суживает горизонты писателя, обедняет его мир, заслоняет от него красоту человека и жизни. Оно делает художника одноглазым.

Мы можем понять иных писателей капиталистического мира. Они дети, граждане своего общества, жизнью в котором и формируется их мировоззрение. Мир таких художников не широк. Он поистине размером с овчинку, а еще точнее – с постель, на которой и разворачиваются действия бесчисленного множества западных романов, рассказов, пьес и кинофильмов.

Товарищи! Если бы в мире капитала был Юрий Гагарин, был бы Герман Титов, были Валентина Гаганова, Турсуной Ахунова, Александр Гиталов и сотни, тысячи людей повседневного трудового подвига, – разве же не отправили бы наиболее талантливые тамошние писатели весь свой постельно-кальвадосный литературный мусор в мусоропровод? Разве не загорелись бы их сердца огнем подлинного вдохновения? Убежден, что если они настоящие художники, – а ведь среди них немало именно настоящих художников, – они нам завидуют. Завидуют тому обилию, тому богатству, той кра-

соте человеческих судеб, характеров и деяний человека, какими располагаем мы, советские писатели.

Да, наше счастье в том, что нам есть о чем писать. И мы будем писать о своем героическом времени, о своем народе-труженике, строителе коммунизма.

Некоторые полагают, что тот, кто пишет о современности, о наших героях, пишет, значит, поспешно, серо, отображательски. Но Бальзак писал о своем времени – и разве серо он писал? Но Тургенев писал о самых горячих проблемах его дней – и разве не живут и сегодня его прекрасные книги? А Маяковский! В каждой строке его стихотворений бился пульс его времени. И разве устарело или серо звучит процитированное в эти дни: «Лет до ста расти нам без старости!» Еще и современной стало. Ведь и в самом деле средняя продолжительность жизни у нас идет туда, к ста годам.

Творчество Маяковского для всех нас пример беззаветного и вдохновенного служения поэта делу народа, делу партии.

Теория «дистанции» – несостоятельная теория. Если не мы, то кто же в произведениях литературы и искусства расскажет нашим современникам и нашим потомкам, особенно молодежи, нашим зарубежным друзьям об эпохе, в которую нам посчастливилось жить, о великой партии Ленина, которая по-революционному перестраивает мир?!

В выступлении Е.А. Фурцевой есть положение, в связи с которым и мне хотелось бы сказать несколько слов, хотя об

этом уже и говорилось. Товарищ Фурцева сказала, что у нас, к великому сожалению, время от времени появляются плохие кинофильмы, плохие книги, по поводу которых справедливо негодуют зрители и читатели.

Да, это так. Рядом с отличной продукцией кино и литературы существует и шлак.

Но я не думаю, что такое незнание жизни вызвано только тем, что авторы плохих книг и плохих сценариев живут в Москве или в столицах союзных республик. Пересели иного писателя в кубанскую станицу, в далекое сибирское село, в Братск, в Магнитогорск – куда угодно, в самую, казалось бы, гущу жизни, а он все равно будет писать о временах новгородской Марфы-посадницы, об адюльтерах и разводах, о чем угодно, только не о тружениках Кубани, Сибири, Братска, не об их волнующих, живых, горячих деяниях.

И напротив: посели другого хоть здесь, в Кремле, в Грановитой палате, или еще выше – в боярских расписных теремах, а он, окруженный древностями, все равно будет писать о людях, поднимающих целину, рабочих, об инженерах, ученых, о героях нашего дня. И хорошо будет писать!

Где живет писатель – это, конечно, немаловажно. Но еще важнее не где, а чем он живет, что волнует его, что влечет, о чем его думы, чему отдано его сердце.

Я бы сказал, что наиболее скверная продукция кино и литературы возникает не просто от незнания жизни нашего народа, а чаще всего в том случае, когда иные из нас пытаются

изображать ее на манер, каким изображается жизнь на буржуазном Западе, когда на первый план в театре, в кино, в литературе, в живописи ставят формалистическое трюкачество, когда не от незнания, а отлично понимая, на что идут, отступают от правды нашей жизни, от метода социалистического реализма, когда уходят в мелочи, не видя за ними главного, героического в народной жизни.

Наш идеологический противник почти молниеносно реагирует на такие промахи и ошибки. Если фильмик в западном духе, если книга с неверным перекосом, если живопись по «творческому» методу тяп-ляп, в буржуазной прессе – бурные похвалы, ободряющие хлопки по плечу: вот, дескать, настоящее-то искусство! Возможны даже золотые медали, всяческие премии; плетутся лавровые венки.

Ну, а если писатель, художник прочно держится на позициях партийности, тут уж похвал не жди; жди только разнообразных ругательств.

Но брань противника – это еще Ленин учил – лучшая похвала. А вот когда противник хвалит да премирует, нельзя не задуматься, нельзя не насторожиться; в чем-то ты, видимо, промахнулся.

Если мы будем верны методу социалистического реализма, если мы будем верны принципам партийности, народности, – а мы не намерены отступать от них в своем творчестве, – срывы и ошибки маловероятны. Вероятнее другое: новые и новые успехи советских художников в литературе, в

театре, в кино, живописи, музыке.

В последние годы в наши писательские ряды волна за волной вливаются все новые молодые, способные, талантливые прозаики и поэты, с большим увлечением пишущие о жизни народа. Это верный признак того, что мы на пороге дальнейшего мощного подъема советской литературы. Когда велики цели, то велики и дела. Литература наша, наше искусство будут достойны эпохи строительства коммунизма!

Товарищи! Впервые в истории только наша партия всем содержанием своей политики сделала гуманнейшую из идей: все во имя человека, все для блага человека. «Партия, – сказано в проекте Программы, – существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности».

В служении народу, в служении делу партии видим смысл своей деятельности и мы, советские писатели.

1961

Место писателя сегодня

Насколько я себя помню, подавляющее число слышанных мною ораторов начинало свои речи словами: «Мы живем в очень сложное время...» Так было и полвека назад, так было и четверть века назад, так есть и сегодня; видимо, в мире не бывает времени не сложного; поэтому и я позволю себе для начала сказать: «Мы живем в очень сложное время». Тем более что оно и в самом деле необыкновенно сложно: в нескольких местах земного шара идет подлинная, кровавая война, в нескольких местах она вот-вот готова вспыхнуть, а повсеместно всюду, в связи с этим, люди глубоко и трудно раздумывают о своем будущем. Люди хотят знать, куда идет человечество, к смерти или к жизни, к самоистреблению или расцвету, к возврату в первобытность или к прогрессу.

Сейчас в любой стране выходят сотни и тысячи книг, авторы которых так или иначе пытаются ответить людям на эти сакраментальные вопросы. Пишут ученые, пишут социологи, пишут статистики, пишут фантасты. И их жадно читают,

Но мне кажется, что вопрос о будущем лучше всего может быть разрешен, если мы как следует разберемся в нашем настоящем. Оно, настоящее, – это фундамент будущего, и от прочности, надежности фундамента в прямой зависимости находится прочность и архитектура того здания, в котором человечество намерено обитать завтра.

Камни в фундамент укладывают собственно каменщики и в фартуках белых, и те, кто в своих циклотронах до немыслимых скоростей разгоняет частицы материи, дабы взламывать атом, и те, кто сеет хлеб, и те, которые совершают попытки замены хлеба таблетками, и те, кто сегодня все еще пересекает пустыни на верблюдах, и те, кто на космических кораблях способны огибать нашу планету в считанные минуты.

Кладут эти камни и люди нашей профессии, литераторы – прозаики, поэты, драматурги... Причем литературские камни ничуть не менее весомы, чем камни атомщиков-физиков; я даже намерен сказать, что они значительно весомей, потому что от наших книг во многом зависит, куда будут уложены камни физиков – в массивы добра или зла, послужат ли они прогрессу или регрессу, употреблены ли будут на мирные, строительные цели или послужат делу разрушения – войне.

Писатель сегодня, как, впрочем, и во все иные века и тысячелетия, – строитель. Строитель человеческой мысли, строитель общественного мнения, строитель нравственности, строитель духовного облика человека. Что такое столь древние – первые земные – книги, как индийская Махабхарата и сутры народов Южной Азии, как Библия христиан, как иные древние книги, из коих большинство ныне почитаются как священные, – что это такое, как не свод жизненных примеров, записанных первыми писателями, как не собрание мыслей тех первых писателей человечества, цель которых – совершенствование человека, стремление повлиять на

его нравственность, указать ему место на земле среди других людей и определить его обязанности в обществе.

Великие книги преследуют великие цели, мелкие, а тем более, низменные книги диктуются мелкими и низменными побуждениями...

Чем характерно, как я уже сказал, наше нынешнее сложное время? Повсеместным пробуждением народов, которые веками не могли поднять головы из-за колониального гнета, из-за того, что подавлялась их национальная культура, из-за того, что их беспощадно грабили материально. Нельзя не видеть при этом, что пробуждение такое явилось из следствий того, что в 1917 году в России произошла социалистическая революция и Россия дала затем пример народного, рабоче-крестьянского многонационального государства, способного не только конкурировать с государствами капиталистического устройства, но и превосходить их в экономике, культуре, во всех проявлениях прогресса.

Народы, пробуждаясь, становясь на путь национального развития, в той или иной мере, но оглядываются на полувекковой, пройденный Советским Союзом путь, в той или иной мере используют его опыт.

Прогресс сегодня – это прежде всего поддержка национальной борьбы народов, классовой борьбы, использование огромного опыта Советского Союза. Могут сказать, что это что-то вроде политики, а художник, дескать, не должен заниматься политикой, он слугитель искусства, и ничто сверх

этого. Но так не было никогда, так только время от времени декларируется. Никто не может сказать, будто бы великий Лев Толстой не был художником. Но кто же вместе с этим станет отрицать то, что он же, Лев Толстой, общепризнанный и непревзойденный мастер слова, влиял на миллионы умов своих современников и как общественный деятель, как критик чуждого свободе и прогрессу самодержавного строя в России. А это уже политика, как ни старайся делать вид, будто бы ее нету.

Даже, казалось бы, сугубый фантаст, а не реалист, англичанин Герберт Уэллс, отбросив с ходом времени свои крылатые фантазии, задумывался – и призывал к этому своих соотечественников – над проблемами более справедливо организованного человеческого общества, чем общество капиталистическое. А это тоже не что иное, как политика.

Писатель не может укрыться от веяний века – если, конечно, он не ремесленник и не откровенный делец от литературы, – он не может не видеть тех усилий, какие прилагает общество или, скажем точнее, передовая часть общества для осуществления социальных перемен и улучшений, его не могут не интересовать люди, стремящиеся к этим переменам, борцы за социальный прогресс. Часто это люди трудной судьбы, сильных характеров, высокого парящего духа. Если мы оглянемся на прошлое, то там почти не увидим таких мастеров слова, которые бы свои писательские силы отдавали изображению натур и жизней людей малоприметных

в обществе, неактивных и заурядных.

Испанец Сервантес в полемике с авторами так называемых рыцарских романов, задумав ниспровергнуть ходульных, закованных в латы героев литературы того времени, в силу своего таланта создал, однако, не антигероя, а благороднейший образ рыцаря из Ламанчи, высокого в мыслях, в стремлениях, в поступках. Его Дон Кихот не был заурядным, он не был малоприметным и неактивным.

Я не стану говорить о Гюго с его отчетливо выраженными героями, о Флобере, – всмотритесь в творчество Золя и Бальзака. Герой их ярок, он характерен для своего класса, для своего общества, он живет в капиталистическом мире, где один закон – кто кого, и поступает в полном соответствии с этим главенствующим законом. Но он не хлюпик, он не ничтожество, нет.

Писателю участвовать в движениях за свободу народов, за социальный прогресс сегодня – это значит писать о людях тех классов, которые осуществляют это движение, которые ведут эту борьбу. Никак не стоять в стороне от главных проблем, разрешаемых сегодня человечеством. Что толку – участвовать в различных формулах и симпозиумах, ставить подписи под теми или иными декларациями, а самому при этом писать книги, уводящие читателя от жизненно острых вопросов дня? В нашей стране в предвоенные годы было создано и опубликовано немало весьма хороших деклараций, заметных призывов, обращенных, скажем, к молоде-

жи. Они, безусловно, сыграли свою положительную роль. Но книга писателя-коммуниста Николая Островского под названием «Как закалялась сталь» одна сделала больше, чем может быть, все те документы, вместе взятые. Молодому человеку нашей страны книга эта дала притягательный образ для подражания; миллионы молодых и даже совсем юных советских граждан вступили в войну с фашизмом, соизмеряя свои мысли и поступки с мыслями и поступками героя этой книги – Павла Корчагина.

Многое, очень многое зависит от той точки зрения, с которой рассматриваются те или иные явления современной жизни. В развивающихся странах Азии и Африки, в странах, идущих по пути социального прогресса, возникает своя промышленность, своя индустрия и растет, следовательно, рабочий класс. Это класс-преобразователь, класс-строитель, класс передовой и революционный. Не видеть его – значит не видеть перемен в стране. Но и видеть его можно по-разному. Можно все свое внимание сосредоточить лишь на том, что класс этот разрушает традиции, связанные с существованием остатков феодального общества, окрасить все красками скорби по поводу рушащегося старого, и тогда, в такой окраске, рабочий класс будет представлен не как носитель прогресса, а как угрюмая толпа тупых варваров.

Или, скажем, в некоторых зарубежных странах, кстати, не далеких от места, где сейчас пребываем мы с вами, в крупных городах существуют в одних местах называемые «брил-

лиантовыми рынками», в других – «улицами леди», «леди-стрит» кварталы ночной жизни, где торгуют тем, что там называется «любовью», или, попросту, женским телом. Это тяжкий порок общества, не способного дать женщине иных средств для заработка на хлеб. И что же – жизнь этих кварталов тоже можно изобразить, расписать по-разному. Можно сделать это в сентиментальных тонах, вызывая слезы и жалость читателя по поводу тяжелой доли «падших созданий». Можно впасть в морализование – вот, дескать, до чего способна дойти женщина, если она нарушит... И расписать то, что она нарушила. А можно с полной правдой, без слез и морализации, рассказать о социальных корнях отвратительного явления, о том, как на эти «бриллиантовые рынки» и в железные клетки «леди-стрит» женщину гонят ее бесправие, нужда, голод. И это будет единственно верный взгляд на уродливое явление. И такая книга будет книгой, борющейся за социальный прогресс в стране, за лучшее в ней устройство общества.

Все, что я говорю сейчас, это лишь беглые мысли. Каждый волен сам избирать себе путь в литературе. Но беда в том, что помимо субъективных стремлений есть и упрямо объективные законы общественной жизни. Путь-то ты можешь избрать любой. Но далеко не каждый из этих любых литературных путей сольется с путями народных движений, с борьбой народов за социальный прогресс и свободу. Иные литературные пути могут пойти и поперек путей народных, а то

даже и против них. В таком случае ты, литератор, со своими писаниями можешь оказаться не только бесполезным своему народу, а даже и повредишь ему. Может ли тебе такое творчество доставить радость?

Нет, дорогие коллеги, писателю от веяний времени никуда не уйти, в башне из слоновой кости от них не отсидеться. Да и надо ли уходить куда-то и где-то отсиживаться? Не радостнее ли быть всегда со своим народом.

Мы многому научились

Из речи на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей

На осенней выставке работ ленинградских художников была выставлена любопытная жанровая картина. Представьте себе тесный коридорчик или что-то в этом роде. На подоконнике, в коричневом форменном платье и таком же форменном белом переднике, сидит восьми- или девятиклассница, потупясь, трогая складки передника. Перед ней такого же возраста молодой паренек, тоже потупился и тоже молчит. Вдали (это видно через приоткрытую дверь) танцуют их сверстники.

Школьный бал.

Посетители выставки останавливались перед этой картиной и не без удовольствия ее рассматривали. Она очень хорошо выполнена в смысле живописной техники. Но вот интересно, какие при этом высказывались мнения. Одни говорили: «Как живые!» Другие говорили: «Точь-в-точь так и бывает в жизни». Никаких иных мыслей, никаких более серьезных дум эта столь старательно сработанная картина не пробуждала. Человек шел от нее дальше и забывал о

ней. Может, перед некоторыми вставало отрочество. Человек вспоминал молодость, и от этих воспоминаний у него пощипывало в сердце.

Да, картина могла вызывать только пощипывание в сердце у тех, кто склонен к сентиментальности, и больше ничего. Она могла служить иллюстрацией к какой-нибудь из многочисленных повестей Лидии Чарской, вроде «Люды Власовской» или «Большого Джона», где были гимназические балы, дортуары, темные коридоры, сентиментальные вздохи и такие же коричневые форменные платья с белыми передниками. А картина-то 1954 года, а не 1909-го или 1910-го, и о 1954 годе, а не о 1909-м или 1910-м. Я бы не стал так долго рассказывать об этой картине, если бы она такая – вне нашего времени – была одна на выставке и если бы подобных примеров не наблюдали мы в литературе.

На протяжении последних года-двух в печати появилось немало литературных произведений – и повестей, и рассказов, и пьес, – в которых авторы, как бы отбросив время, в котором мы живем, с усиленной энергией занялись душеустройством своих героев, разрешая это душеустройство в извечных, неизменных для такого рода литературы формах: оженить или выдать замуж. На долю героев или героинь выпадают всяческие беды: то муж оказывается сухим, глупым, тупым делягой, то отца разоблачили, как вора и негодяя, то героине с детских лет никто не смог понравиться, и вот ей грозит вечное девичество... И т. д. и т. п.

Авторы таких произведений, где чувства заменены чувствительностью, приходят на помощь своим обездоленным героям, разводят их с нелюбимыми, соединяют с любимыми, все население повести к ее последним страницам разбивается на счастливые парочки; парочки обзаводятся комодами и шкапами, оклеивают стены своих жилищ новыми розовыми обоями, и начинается так называемая новая жизнь. Какая? Во имя чего? Для чего? На эти вопросы в таких произведениях ответа мы не найдем.

Ни о наших огромных задачах, ни о смысле нашей жизни, ни о величии наших дней и нашего человека герои этих книг не помышляют. Им хочется устроиться потеплее, поуютнее, для души – и все!

Если у истории, как говорят, есть некое колесо, а следовательно, и у истории литературы и искусства, то подобные произведения – о мелких судьбишках, о мелких житишках и мелких делишках – это поворот колеса назад, к прошлому, а не вперед, в будущее.

Странно, что некоторые из нас с большим художественным увлечением и с большей тщательностью отыскивают старое в новом, а не напротив – новое в старом, если так можно выразиться.

Старое – за ним не надо никуда ходить или ездить, можно пребывать годами дома, старое – оно сидит в нас, в нашей памяти; вытаскивай его из сундука, перетряхивай, латай и ставь в произведение, выдавая его за новое.

Не так давно один пожилой инженер из одной капиталистической страны написал мне о том, что в романе «Журбины» он нашел некоторые судостроительные погрешности и что из симпатии к роману он готов, если я этого пожелаю, прислать мне перечень этих погрешностей и дать совет, как их исправить. И при этом (это он подчеркнул) совершенно бесплатно. Он готов нести, так сказать, некоторый материальный урон, потому что в условиях, в которых он живет и работает, бесплатно ничего не делается.

А мы, советские люди, уже позабываем о тех присущих капиталистическому обществу стремлениях, когда из всего, даже из простого совета, должны быть извлечены деньги.

Для чего я пересказываю письмо иностранного инженера? Для того, чтобы рядом с его автором поставить одного нашего ленинградского столяра-модельщика. Это модельщик высшего класса. Он десятки лет работал вручную, был вне всякой конкуренции, полнейший монополист. Он мог бы, если бы этого хотел, диктовать заводской администрации любые условия, и ему платили бы любые деньги, такой он был мастер. Он обладал тем, что называется: «золотые руки». И вот взял человек и сконструировал станок, который стал выполнять все, что когда-то могли делать только «золотые руки».

Ну, товарищи, разве это не удивительная черта нашего нового, советского человека?

Вот какая черта – забота об общем благе – укрепляется

в советском человеке взамен стремления из всего, из чего только возможно, «делать деньги».

Можно приводить сотни подобных примеров. Но в них нет нужды. Их, наверно, немало в запасе у каждого из сидящих в этом зале.

Я их привел для того, чтобы сказать о том, какое это увлекательное дело – работать над образом, над характером нашего современника: рабочего, колхозника, человека науки или техники, партийного работника. Для советского писателя реально открылись такие богатства человеческой души, о которых наши классики, на коих мы постоянно ссылаемся, только мечтали.

Почему же мы, вместо того чтобы со всей страстью, со всем жаром разрабатывать эти богатства в глубинах жизни, подчас довольствуемся черепками прошлого, принимая и выдавая их за драгоценности?

Некоторым товарищам, видимо, кажется, что наши литература и искусство находились (так, во всяком случае, я понял товарища Эренбурга в его повести «Оттепель») долгое время в состоянии некоего замораживания, анабиоза, если еще не хуже. Это же совершеннейшая неправда! И литература и искусство у нас непрерывно росли, развивались. Они накапливали богатства, присоединяя их к богатствам, коим основу заложили Фурманов в «Чапаеве», Островский в романе «Как закалялась сталь», Фадеев в «Разгроме», Крымов в романе «Танкер „Дербент“» и другие. Разве мало появилось на

свет после войны замечательных книг?.. Эти наши завоевания – результат поступательного движения, а не анабиотической спячки, после которой надо, чтобы капало с подоконников, чтобы в лужах чирикали воробьи и чтобы население наших книг непременно разбивалось на счастливые парочки.

Допустим, авторы многих книг ошибались, подчас желаемое принимая и выдавая за сущее, слишком спешили забегать вперед. Но ведь они все-таки бежали вперед, а не тянули нас назад. И за это им спасибо. Подобного рода ошибки исправимы, и они будут исправлены. Они нам наука. А то, что достигнуто, то достигнуто. Это у нас не отнимешь. Нелегко ходить целиной, по непротоптанному, немало сапог истреплешь. В комнатных, хорошо обношенных шлепанцах таких дорог не одолеешь. Многие из нас шли в кирзовых сапожищах и немало натоптали. Но зато, так или иначе, мы уже в значительной мере знаем, как изображать человека труда и в труде, что завещал нам Горький. Мы приблизились к этому не без потерь, понятно, и не без издержек.

Теперь можно потешаться над теми из нас, которые, чтобы написать роман или повесть, старательно изучали доменный процесс, сталеварение, паровозостроение, а иной раз даже и акушерское дело, и эти свои знания демонстрировали на страницах книг. Но это ведь тоже было движением вперед, а не назад, это был процесс изучения, освоения нового. В результате мы теперь знаем, как в книгах обращаться со всякого рода производственными процессами, чтобы они не толь-

ко не заслоняли человека, а, напротив, помогали бы ярче его раскрыть.

Так вот, повторяю, теперь можно изошряться в остроумии по поводу так называемых «производственных» или «колхозных» романов, а ведь авторы этих романов были разведчиками, саперами, людьми, идущими вперед. Это они шли через минные поля неизведанного в литературе, и это они бросались первыми под критические пулеметы, прокладывая дорогу другим.

Кто-то с этой трибуны справедливо досадовал на то, что старая писательская гвардия продолжает стоять в стороне от главнейших вопросов современности, от главнейших тем нашего времени. Многие и из молодых, и по возрасту средних оглядываются на нашу гвардию. Если она, мол, больше склонна к истории, к прошлому, то и мы, пожалуй, поработаем над прошлым, заглянем в свое детство, в юность.

Конечно, ни Петр I, ни полководцы и флотоводцы разных эпох и времен, ни даже более близкие наши предки не встанут из гроба, не заявят такого решительного протеста против того, что их не столь полнокровно изобразили, как было в действительности, не напишут письмо в «Литературную газету» об искажении их образа и т. д. А наш современник очень и очень ревниво относится к тому, как мы о нем пишем, он реагирует на погрешности даже в мельчайших деталях. Я приведу в пример то, как обсуждался роман «Журбины» работниками милиции в Ленинграде. Я шел на эту кон-

ференцию совершенно спокойно, потому что это была уже не первая конференция, во-первых, а во-вторых, в моем романе эпизодический образ милиционера был, с моей точки зрения, очень хорошим и симпатичным. Но он оказался никуда не годным с точки зрения работников милиции. Оказалось, что показанный мной милиционер плохо несет службу: он никак не реагировал на выстрелы, не составил протокола на того, кто стрелял по поводу рождения внука; кроме того, он пьяница. Я сказал, что он отказался даже от стопки портвейна, а мне говорят – да, отказался, но, уходя, он с сожалением посмотрел на графины.

Вот даже на какие детали обращает внимание наш современник. В смысле ответственности перед читателем этот участок литературы – литературы о сегодняшнем дне – «опаснее» всякого другого. Это передний край литературы. Не каждый идет на этот передний край. И надо более внимательно относиться к бойцам переднего края.

Во время Отечественной войны мы умели очень хорошо собирать малейшие крупинки боевого опыта. У работников военных газет на учете был каждый умелый снайпер, каждый умелый бронбойщик. Вот так же нашей критике, нашему литературоведению надо собирать крупинки опыта в изображении нашего современника, взять на учет не только пресловутую «обойму», о которой здесь так много говорили, но каждого писателя в любой части нашей страны, в любой области, в любом крае. Этот опыт пригодится и нам и тем, ко-

которые идут за нами. А за нами уже идет большая армия писательской молодежи, о которой, к сожалению, здесь очень мало говорили. И говорить о молодежи должны были товарищи Фадеев, Шолохов, Федин, Леонов, Катаев, Гладков. Если среди нас нет Горького, то они, эти товарищи, должны были предстать тут коллективным Горьким.

Мы должны, обязаны искать новое в жизни. Мы часто говорим о наших классиках, о том, что мы должны у них учиться мастерству. Но у них надо учиться и их страстному интересу к острейшим проблемам современной им жизни. Без этого не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Щедрина...

Открытие нового в жизни, видение этого нового – наше писательское призвание, этого от нас требуют читатели, и взрослые, и маленькие.

Я приведу пример с маленьким читателем. Один из сидящих в этом зале московских литераторов рассказывал мне такую историю. Его сынишке прочли сказку, которая заканчивалась словами: «Стали жить-поживать и добра наживать». Мальчишка долго размышлял, а поразмыслив, спросил: «Ну и что, они его сжевали?» – «Кого, Мишенька?» – «Ну этого, добрана».

Он, этот маленький читатель, уже не знает, ни что такое добро, ни как его наживают, вообще не имеет понятия о наживе.

С этим мальчуганом вышла и другая история. Он однажды капризничал, не хотел спать. Его решили припугнуть,

сказав, что позовут Бабу Ягу. Старшая сестренка надела пальто мехом наружу, бумажную маску на лицо, взяла в руки швабру и в таком виде высунулась из-за портьеры. Было довольно страшно. Но мальчишка – ему было тогда три-четыре – закричал: «Баба Яга, иди сюда, не бойся!»

Товарищи, уж если ребяташки стали покровительственно относиться к Бабе Яге и всяким прочим букам, то взрослый читатель тем более понимает, что в наших книгах от наблюдаемого сегодня, а что извлечено из арсенала прошлого. Есть ли смысл снова жевать этого «добрана»? Тот, кто не видит нового, которое с каждым днем все больше входит в нашу жизнь, тот или близорук от природы, или просто не хочет видеть это новое.

Дела советского народа изумляют мир. Трудящиеся земного шара питают величайшее уважение к советскому человеку. Наш долг – нарисовать образ нашего современника во всей его простой и величественной красоте. Наш долг – верно и неуклонно служить партии в деле коммунистического воспитания народа.

1954

Наш судья – читатель

Не знаю, может быть, есть и такие писатели, для которых никакого значения не имеет мнение читателей об их книгах и которым гораздо важнее знать, что об их сочинениях думают рецензенты и критики.

Видимо, все-таки писатели такого рода все же есть. Наверняка даже есть.

Но для большинства пишущих самое важное, самое волнующее, самое с нетерпением и часто со страхом ожидаемое – это отзыв читателя, мнение читателя, приговор читателя. Рецензенты и критики могут сколько угодно бранить книгу, уверять читателя в том, что она плохая и неинтересная, а книга, если она читателя волнует, все равно будет жить, с успехом соперничать и перебарывать ту книгу, которую почему-либо критики и рецензенты неправомерно и незаслуженно хвалят. Кроме того, рецензенты и критики, случается, и меняют свои оценки со временем, а читатель в своих оценках постоянен.

Не скажу, что автора этих строк не волнуют или мало волнуют оценки, которые даются его книгам критиками. Это было бы неправдой. Каждому из нас лестно получить в печати добрый отзыв о своем труде, каждому горько, когда его труд публично объявляют неудачным, каждому полезно прочесть обстоятельный разбор произведения – со всеми «за» и

«против», с глубоким анализом, с умными сопоставлениями с жизнью, с действительностью. Все это, безусловно, так. Но когда тебя бранит тот или иной критик в печати, ты можешь утешить себя тем, что критик этот не знает, мол, жизни, что он книжник и, зарывшись в книгах, отстал от современности; можно еще сказать себе, что критикующий тебя делает это из чисто вкусовых соображений, а вкус-де у него плохой, что он, этот критик, подчинен той или иной групповщине.

Да мало ли еще что можно сказать себе в утешение.

Но ничего не скажешь, ничем себя не оправдаешь и не утетишь, когда дойдет до тебя тысячеустый голос читательской конференции или когда станешь ежедневно распечатывать письма читателей. Предположим, сотни, тысячи читателей – устно и письменно – выражают недовольство или всей твоей книгой, или отдельными ее линиями, тем, как написан тот или иной герой книги, твоим языком, – какую же ты займешь позицию? Завернешься в плащ обиды и скажешь себе: меня не понимают сегодня – меня поймут через сто лет? Навивно и неутешительно.

Нет, тут уж дело плохо, тут делать нечего. Приговор читателей, снова скажу, окончательный, и обжалованию он не поддается.

У нас очень большой читатель – миллионный и многомиллионный. Он очень требовательный, и требовательность его растет от года к году, по мере дальнейшего роста и повышения культуры народа, по мере того как складываются, воспи-

тываются, развиваются вкусы широких народных масс. С таким читателем надо жить в дружбе. Если у тебя с читателем взаимоотношения сложатся правильно, если читатель поверит тебе, если он полюбит твои книги, то более надежного друга, чем он, никогда и нигде ты, литератор, не сыщешь. Читатель не просто будет читать твои книги, – он будет радоваться каждому твоему успеху и огорчаться каждой неудачей.

Большинство известных мне писателей хранят перевязанными в пачки читательские письма. Если бы нашелся кто-либо, заинтересовавшийся содержанием этих писем, он вычитал бы в них немало очень и очень любопытного. Читатели подбадривают автора, когда критика к нему несправедлива; читатели указывают автору на недостатки, когда критики их почему-либо не замечают; читатели сопоставляют описываемые события и образы героев книг с тем, что испытали в жизни сами, с теми людьми, которые их окружают; читатели замечают каждую, даже малейшую погрешность книги.

Автор этих строк тоже хранит все письма читателей. И если перечесть сейчас многие из этих писем, выяснится, что немало замечаний, высказанных читателями, пригодились автору при доработках и переизданиях его книг.

Есть, правда, разные читатели. Есть, например, читатели-брюзги, они всем недовольны. Есть и просто читатели-недоброжелатели. Они выискивают в книгах любые оговорки, выхватывают из книг отдельные строчки, истолковы-

вают любое положение как им вздумается и непременно пишут злые письма-рецензии в редакции газет и журналов: вот, дескать, как автор извратил то или иное.

Был у меня анекдотичный случай. Написал я однажды рассказ, который назывался «Памятник другу». Не стану излагать его сюжет, скажу лишь, что герои рассказа вынуждены были проезжать лесом по бездорожью на колхозной телеге. Тащила телегу колхозная лошадь.

И вот через некоторое время после опубликования рассказа одна из газет переслала мне письмо читателя. Письмо начиналось так: «Я являюсь читателем вашей газеты и на ее страницах вижу много статей, в которых указываются недостатки в произведениях советских писателей». Автор письма, следуя примеру авторов газетных статей, решил указать на недостаток рассказа «Памятник другу». Вот он, этот недостаток, замеченный автором письма в рассказе: «Неудачно показано переправление памятника от железной дороги до места, где надлежало его установить. Как только герои рассказа приходят в колхоз, они сразу сталкиваются с черствым председателем».

В чем же для автора письма проявилась черствость председателя? Председатель, оказывается, вздохнул, когда у него попросили лошадь для поездки к месту, где надо было установить памятник. Автор письма делает вывод: «В этом вздохе читатель видит то, что председатель живет только интересами колхоза, размышления его, вздыхания говорят читате-

лю о том, что председатель все еще будто единоличник, а на все окружающее смотрит сквозь пальцы».

Дальше дело идет еще удивительней. По рассказу, председатель дал, в конце концов, друзьям-однополчанам подводу, но автор письма и тут негодует: какую, мол, лошадь запрягли в эту подводу! Он цитирует рассказ: «Лошадку, круглобокую, рыжую, с гривой, подстриженной в щетку» – и размышляет: «Тут перед читателем встает образ лошадки из стихотворения Некрасова, в котором говорится о лошадке, везущей хворосту воз. Великий русский поэт далекого прошлого в этом стихотворении рисует крепостное положение крестьян, имевших на своем дворе „лошадку“, он описывает медленно движущуюся клячу дореволюционного крестьянина. А автор рассказа „Памятник другу“ не показывает действительности современной жизни колхоза. В колхозах нашей страны нет „лошадок“, а есть красивые, сильные, быстрые кони, которые несравнимы с некрасовской лошадкой, они больше походят на полторатонный автомобиль».

Вывод делается в итоге такой: «Кто дал право автору рассказа исказить образ колхозного коня! По-видимому, автор не изучил еще жизни колхоза».

Случай анекдотичный и вместе с тем печальный. Счастье в том, что таких читателей очень немного. В большинстве читательских писем писатель находит полезное для себя. В романе «Журбины», когда роман публиковался в журнале, было место, где говорилось о том, что наступила та-

кая пора лета, когда хозяйка семьи, Агафья Карповна, сушила грибы-боровики и варила варенье из садовой земляники. Один читатель написал мне, что, когда появляются в лесу грибы-боровики, тогда уже нет садовой земляники. Я проверил у специалистов, и пришлось с читателем согласиться. В отдельном издании романа Агафья Карповна варила варенье уже из черной смородины.

По роману «Журбины» много ценных замечаний устно и письменно сделали судостроители, историки, электросварщики, по роману «Молодость с нами» – ученые, сотрудники научно-исследовательских институтов, комсомольские работники, мартеповцы. А когда лет пять назад вышел роман «Под небом родины», один сельский врач прислал мне подробное описание того, как, с какими симптомами и проявлениями протекает воспаление легких. Он хотел, чтобы я исправил в романе описание этой болезни у одной из героинь романа. Я исправил.

Не только, конечно, каких-то неточностей в произведениях касаются читатели в своих письмах. Многие из них, отталкиваясь от произведения, пишут о своем, личном, задают писателям вопросы, просят совета, помощи, Писатель должен отвечать на все письма, как бы это ни было трудно, сколько бы времени ни отнимало.

Переписка с читателями, встреча с ними – один из путей познания жизни писателем, одна из возможностей общения с людьми, проникновения в их помыслы, в их беды и радо-

СТИ.

1955

Главное направление

На днях я получил письмо от старого товарища по школьным временам, ныне, как выяснилось, доктора биологических наук. У него нашлось много что напомнить мне из тех времен тридцатилетней давности.

Напомнил он и одну очень любопытную деталь: в пионерском отряде № 13 звено, в котором мы состояли, называлось «Металлист».

Наш тихий Новгород на Волхове отнюдь не был индустриальным центром, в нем дымили две или три трубы маленьких полукустарных предприятий, и все же мы, пионеры, свое звено назвали «Металлист», и все же мы делали доклады о советском рабочем классе, о людях, создающих машины для производства машин.

В далекую ту пору пионеры звена «Металлист» вывесили в клубе плакат, изготовленный собственными руками. На плакате были помещены ленинские слова: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это – фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию“» (то есть за коммунизм). А нарисовали мы под этими словами взятую с газетной фотографии колонну тракторов, которые тогда, в Октябрьский праздник, впервые вышли из ворот бывшего Путиловского завода в Ленин-

граде.

Мы любили машины, как любим их и по сей день.

Такова особенность нашего поколения. Каждый новый успех в строительстве новых машин всегда был праздником. Первый советский паровоз, первый неуклюжий грузовичок АМО, первая домна, первый блюминг, первый конвейер... Для нас это все былые великие праздники. Не случайно же они отмечены сегодня в календарях, эти славные даты нашей юности. Это этапы нашего роста, нашего мужания.

Время промчалось. Многие из того, что было для нас живой действительностью, стало для младших поколений историей. Давно ли, думается, наши комсомольцы ехали на строительство Магнитогорска или Сталинградского тракторного? В сердце это лежит близко, а в календарях уже очень далеко.

Мы вспомнили с моим старым товарищем о звене «Металлист» в связи с тем, что вот же нашлись горе-экономисты, которые в своих писаниях взялись ревизовать политику партии в области развития народного хозяйства: тяжелую индустрию, производство средств производства отодвинуть на второе место, а на первое место вывести производство средств потребления, легкую индустрию.

От имени кого рассуждают так путаники-теоретики?

Всплывает это все оттуда – из болотца обывательщины и мещанства, которое еще не ликвидировано, не засыпано в процессе строительства нового общества. Его нельзя недо-

оценивать, это болотце. Из него же всплыло не так давно пресловутое, густо пахнувшее троцкизмом рассуждение об «искренности» в литературе, которое, при всей недолговечности своего существования, все же успело поспособствовать рождению некоторого косяка мещанской литературы.

Недавно мне один ленинградский рабочий-сталевар сказал: «Я очень внимательно следил за материалами вашего писательского съезда и должен сказать честно: кое-что в речах делегатов мне не понравилось. Один молодой писатель – фамилию не помню – выразился примерно так. Он, дескать, не понимает тех критиков, которые, увидав картину с изображением луга и речки, говорят, что это безыдейное произведение. А вот если художник сюда пририсует мачту высоковольтной передачи, критик об этой картине скажет, что она идейно насыщена. Я не критик, я старый рабочий. Я десять лет кряду ездил за грибами в одно и то же заветное место под Ленинградом. Там лес, луг и речка. Но вот нынешним летом в знакомых местах вдруг появилась линия высоковольтной передачи, от Нарвской электростанции. Честное слово, этот пейзаж меня взволновал. Конечно, если мачта к лугу и речке пририсована приспособленцем – это одно, а если художник сердцем ощутил появление нового среди привычных лугов и речек, тут дело совсем другое. Тот, кто сумел сделать это убедительно, кто по линии этой высоковольтной передачи повел нас в наше завтра, тот настоящий художник, настоящий мастер, спасибо ему. И зады-то повторять не велика

доблесть».

Старый сталевар говорил долго и взволнованно. Он говорил о том, что напрасно ведущие писатели не берутся за темы, связанные с жизнью советского рабочего класса, за темы, связанные с развитием нашей тяжелой индустрии. Ведь было же время – Федор Васильевич Гладков путешествовал по стройкам Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, завода сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону, видел закладку Днепрогэса и в итоге написал роман «Энергия» – роман, подсказанный сердцу писателя замечательным временем первого пятилетия индустриализации нашей страны. Было же время, которое продиктовало Валентину Петровичу Катаеву взволнованный роман «Время, вперед!» – о героической стройке металлургического комбината в степи. Леонид Максимович Леонов написал «Соть». Десятки, сотни писателей искали новое именно там, где оно и есть, – в отношении человека к труду, искали его в труде, в труде ярком, героическом, многообразном, каким, в частности, является труд людей тяжелой индустрии.

У нас есть замечательное указание Ленина: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Может быть, они, эти ленинские слова, относятся только к политикам, к людям промышленности? Может быть, «производительность труда» – это проза жизни» лежащая за пре-

делами искусства и литературы, этакая линия высоковольтной электропередачи среди лугов и речек?

У нас есть замечательные слова Горького, произнесенные им на Первом съезде писателей. Горький сказал тогда: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Все величие человека, всю красоту его можно увидеть и показать только в творческом труде, труде как деянии, то есть в борьбе за построение нового общественного строя – коммунизма, путь к которому лежит через всемерное повышение производительности труда.

Сейчас среди рабочих-станочников Ленинграда началось очень интересное движение: они решают проблему сокращения так называемого вспомогательного времени. Дело в том, что за последние годы сильно увеличились скорости, на которых работают металлообрабатывающие станки. А все подготовительные операции, связанные с установкой детали на станке, с ее уборкой со станка, производятся прежними методами, с прежней затратой времени. Нередко получается полнейшая нелепость, когда деталь устанавливают часа пол-

тора-два, а обрабатывают несколько минут. Напрасно пропадает дорогое время. Стоит его сократить хотя бы вдвое, как гигантский станочный парк заводов нашей страны резко увеличит выпуск продукции. Рабочие это прекрасно понимают. И сколько же умов занято сейчас над решением сложной и важной проблемы, сколько рационализаторских предложений поступает каждый день!

Писать об этом совсем не значит писать пресловутый «производственный роман». В новаторских поисках рабочего, связанных с борьбой за увеличение производительности труда, отнюдь не меньше конфликтов, эмоций, поэзии творчества, чем в поисках ученого или работника искусства. С каждым днем труд у нас все больше требует теоретических знаний. На заводах появились такие станки, которые, чтобы управлять ими, требуют по меньшей мере окончания техникума; все большее число рабочих получает среднее образование.

Когда-то писатели с увлечением составляли «Историю фабрик и заводов», которая была начата по инициативе Горького. Этот труд давал писателю знание жизни рабочего класса, его истории, открывал перед писателем богатейший материал, из которого со временем вырастали самостоятельные яркие произведения. Почему бы не возобновить сейчас работу над «Историей фабрик и заводов»? Время идет, все меньше остается живых свидетелей былых страниц этой истории, с каждым годом все труднее будет ее воссоздавать на

бумаге. Просто же отмахнуться от большого и важного дела – не по-хозяйски получится. История наших заводов – это история Коммунистической партии, история борьбы за Советскую власть, история того, как отсталая аграрная Россия превращалась в могучую индустриальную страну – в Советский Союз.

Коммунистическая партия, Советское правительство неутомимо трудятся над тем, чтобы все увеличивалось и увеличивалось материальное производство в стране. Во имя этого из года в год растет наша тяжелая индустрия, во имя этого добываются новые миллионы тонн угля и руды, выплавляются новые миллионы тонн металла.

Только такой дорогой мы должны и впредь идти к решительному подъему сельского хозяйства, к изобилию в продуктах питания, в одежде, в различных предметах, благоустраивающих и украшающих нашу домашнюю жизнь. Другие дороги обманчивы, фальшивы; другие дороги, те самые, на которые нас пытались толкнуть обанкротившиеся горе-экономисты, – это дороги, ведущие в иностранную кабалу, а дальше... дальше и к реставрации капитализма.

Нет, не пустячки привык получать читатель и от нашей литературы, а то, о чем Маяковский говорил: «бомба и знамя». Причем, конечно, не только к песне и стиху относит читатель это замечательное определение, но и к любому литературному произведению, и от любого литературного произведения требует, чтобы оно «поднимало класс», чтобы оно

сокрушало старое и утверждало новое, чтобы оно звало вперед и помогало прокладывать дорогу в будущее.

Это – главная наша дорога, главное направление. С какой бы тщательностью, с применением каких бы великолепных эпитетов ни расписывались закат или цветение редьки, они так и будут закат или цветение редьки, а не явление большой литературы, не явление, которое взволнует общество.

Поменьше бы этой цветущей редьки во всем – и в художественной литературе, и в искусстве. Шире станут просторы, яснее цели и отчетливей наше главное направление.

1955

Кому отдано сердце

В начале двадцатых годов я приехал в Ленинград. Это был совсем не тот город, каким мы знаем его сегодня. На многих улицах стояли пустые коробки или лежали развалины сгоревших в дни революции и гражданской войны зданий. С ними соседствовали шумные заведения, вроде игорных клубов «Казино» и «Трокадеро». На Александровском рынке можно было купить из-под полы все, что угодно, – от сорочки тончайшего полотна, которую, «вот вам крест святой, гражданин», носил сам Николай II, до маузера в деревянной кобуре с кавказской насечкой. На Лиговке, на Пушкинской улице, на площади Покрова, как ныне в Париже на улице Пигаль, бродили толпы голодных женщин в поисках ночного заработка. Новое жило рядом с отвратительным старым. Были сложные годы нэпа.

Все было в ту пору иным, чем сегодня. И прежде всего – иными были люди. Мальчишкой я хаживал тогда на ленинградские заводы, несколькими годами позже сам работал на одном из них. Уже не делали там зажигалок, уже строили корабли и тракторы, но еще воровали заводской инструмент. Уже начиналось ударничество, появлялись первые ударники среди рабочих. Было это не так-то просто на первых порах – ходить в ударниках: могли и избить, и станок поломать, и сплетню пустить. Старое не брезговало ничем в своей жесто-

кой борьбе с появлявшимся новым.

Годы шли, огромную работу по перевоспитанию и воспитанию людей проводила Коммунистическая партия. Человек становился лучше, чище, красивее и, меняясь сам, изменял, улучшал все вокруг себя. Огромная эта работа партии ждет своего певца. Нет сомнения, что придет час – и появятся книги, которые широко и полно расскажут о большом пути нашего народа, одолевая его год за годом, пядь за пядью, какие неслыханные трудности преодолевал на этом пути, какие радостные одерживал победы.

Можно по-разному думать о каждом из нас сегодня. Один лучше, другой хуже. Но все равно мы не те, что были несколько десятков лет назад. Мы богаче опытом, богаче мыслью, мы образованней; немало изменений произошло в нашей морали, в наших взглядах на жизнь, в отношении к труду. Правда, осталось еще немало и всяческой гадости, и гадости такой, которая, используя те или иные расщелины в нашем обществе, запускает в них цепкие свои корни, разрастается на какое-то время и даже процветает, ловко применяясь к новым условиям существования.

Но когда, в какие времена для истинного художника гадость заслоняла собой доброе и светлое в человеке? Даже самые злые, самые беспощадные сатирики прошлого, обличая зло и мерзость своего общества, общества, построенного на эксплуатации человека человеком, на угнетении человека человеком, делали это, видя перед собой то светлое и доб-

рое, к чему человек должен прийти, расчистив с пути своего все мерзостное. Они не видели тех сил, которые способны произвести эту расчистку, но они знали, верили, что будет, в конце концов, именно так, иначе жизнь не имела бы смысла.

В наше время для художника открылись неслыханные возможности видения нового в человеке, его красоты. Это новое, эта красота завоеваны в тяжелой борьбе, они нуждаются в том, чтобы борьба за них не ослабевала и впредь, они требуют поддержки, требуют внимания и забот.

Каждый художник волен видеть жизнь так, как она ему видится. Но становится до чрезвычайности грустно, когда иные из нас, игнорируя весь исторический путь, который пройден нашим народом, берут какую-нибудь частность – пусть реальную, сущую, истинную, но, однако, частность – и возводят ее во всеобщность. Причем в критике сложилось почему-то так, что если во всеобщность возводится сугубо положительная частность, то автора этого деяния дружно поносят, именуя его лакировщиком. Если же содеяно обратное – в степень всеобщности возведена какая-либо частная мерзость, автора венчают лаврами смелейшего мастера.

Первое плохо. Но чем же лучше второе? И то и другое неправда, а следовательно, и не художественно. За настоящим художественным, за правдой надо идти в жизнь, к людям. Надо прийти к шахтерам Донбасса, к металлургам Урала, к машиностроителям и мастерам корабельного дела Ленинграда, в колхозы и совхозы, в научно-исследовательские

институты – словом, к людям, к людям.

Иные из нас обижаются, когда нам говорят о том, что мы плохо знаем жизнь народа, что надо изучать ее, эту жизнь. Обижаются потому, что у каждого из нас есть свой жизненный опыт и мало кто из писателей принялся писать книги, едва сойдя со школьной скамьи, большинство проделало изрядный путь по жизни, прежде чем усесться за письменный стол. Первые книги их несли в себе богатства, собранные на этом пути, волновали читателей неприукрашенной правдой, глубоким знанием жизни. Но нет в мире ничего неисчерпаемого. Исчерпывается и самый богатый жизненный материал писателя. Почувствовав это, мы, вместо того чтобы идти за новым материалом, за новыми впечатлениями, пользуемся тем, что мастерства у нас прибавилось, что словом мы с годами владеть стали лучше, и начинаем творить жизнь в колбах и ретортах этого своего профессионального умения. Мы изоощряемся в образах, в эпитетах, в умении «лепить» характеры, в закручивании сюжетов, а читатель к таким книгам остается равнодушным. Он хочет видеть в наших книгах себя, свою жизнь со всеми ее противоречиями, трудностями, радостями, во всей ее простоте и сложности.

Для каждого ясно, что сегодня нельзя изображать Ленинград так, будто бы в нем все еще процветают «Казино» и «Трокадеро», будто бы на Александровском рынке по-прежнему торгуют сорочками Николая II и крадеными маузерами. Ясно, потому что в бывшем «Трокадеро» разместились

какие-то районные учреждения, а рынка с этими маузерами давным-давно нет, – на месте его выросло гигантское новое здание. Ленинград, оказывается, надо видеть с его новыми проспектами, с новыми районами, с его метрополитеном. И никто при этом не скажет, что это идеализация образа Ленинграда. А стоит изобразить хорошего человека, без александровских рынков в его душе и сознании, он будет назван идеальным героем, признан несуществующим в жизни и предан критической анафеме.

Что же делать тем из нас, кто встречает таких людей в жизни, кто любит их, кто хочет, чтобы они были героями наших книг? Думаю, что не падать духом и писать о них, о наших новых людях, о замечательных героях нашего времени, которые сегодня стоят возле домен и мартеновских печей, ведут паровозы и строят комбайны, сеют хлеб на целинах Казахстана и Алтая, добывают уголь и руду на Урале и в Кузбассе... Каждый из нас пусть будет с теми, кому отдал он свое сердце.

1955

Читатель ждет

Хмурым октябрьским днем ехал я по одной из бесчисленных шоссейных дорог Донбасса. Попутный грузовик был старый и тряский, шел медленно, кланяясь каждой выбоине в асфальте. То и дело подбрасываемые сиденьем, мы с шофером вели долгую, многочасовую беседу.

Обо всем переговорили. И том, как до войны работал он на шахте, а на войне вот приобрел профессию шофера; и о том, как вышла замуж его сестра, да вышла неудачно и вернулась теперь к отцу, к матери с двумя ребятишками; и о том, как взялся было он разводить кроликов, но ничего у него не получилось – в один день все поколевали по неизвестным причинам; еще говорили мы, конечно, о международном положении, свободно переносясь из страны в страну, с континента на континент.

Коснулось дело и литературы.

– Времечка маловато, но все-таки почитываю, – сказал шофер, доставая из-под сиденья изрядно потрепанную книжку, прошедшую, видимо, через множество читательских рук.

Я читал эту книгу – роман о шахтерах. Года три-четыре назад написал ее один из местных донбассовских авторов, сам бывший горняк. Немало любви вложил он в изображение труда людей, добывающих уголь, но не хватило у него

красок, а может быть, просто терпения, и книга получилась весьма и весьма посредственной.

– Нравится? – спросил я.

– Нравится не нравится, а переживаешь, – ответил шофер. – Как-никак о нашей жизни. Конечно дело, может, кто из Союза писателей и лучше пишет – про природу красивее, про всякие воспоминания, – не спорю. А только вот редко встретишь книжку, которая про тебя самого, про твоих знакомых. Скажу вам прямо, уважаемый товарищ, для меня лично такая книжка дороже других. Посудите сами. Живешь, работаешь, ни со временем не считаешься, ни со здоровьем, – а в шахте, было, и под смертью ходил, – ну кто ты такой? Стоишь ты чего-нибудь или нет? Ведь сам ты этого не знаешь, верно? Об этом тебе другие должны сказать, которым со стороны виднее. В книжке тут, читаю, определенно сказано: стоишь!

Несколькими днями позже, в городе Жданове, примерно об этом же услышал я от одного из доменщиков.

– Слов нет, – говорил он, – много хороших книг пишут советские писатели. Я читатель такой – за новинками слежу. Но где, объясните вы мне, книги о нас, о народе, о рабочих. Все, знаете, ученых, изобретателей, секретарей райкомов описывают. Или про старину. Это неплохо, ничего не скажу, с удовольствием читаем и такое. Но вот мы-то где, мы? Может быть, возле наших домен героизма мало, переживаний или конфликтов нехватка? Да тут, если разобрать-

ся, дело как на войне: все время вроде бы вокруг неразорвавшейся бомбы ходим, никто не знает, когда она сработает. Было раз, фурма вылетела. Пришел домой, на мне кожа мешками – так обожгло. Полный таз воды из волдырей выпустили. Да и не это главное. Работаем-то, работаем как – вот на что смотреть надо. Сколько головы, души, сердца в чугуны вкладываем!..

Сидели мы за такой беседой вокруг стола в доме обер-мастера Михаила Карповича Васильева, пили чай с вареньем. Михаил Карпович насторожился вдруг, прислушался и пошел к телефону. Через десятки городских кварталов, через реку, в шуме осеннего ветра и в звонках трамваев услышал он, что одна из четырех его доменных печей остановилась.

Это было непостижимо для простого смертного. Я сказал об этом. Жена хозяина дома, Анна Николаевна, рассмеялась:

– Даже я стала понимать, когда и какая печь не так идет, а про него и говорить нечего: на печах неполадка – ночью вскочит, как бы крепко ни спал. Теперь хорошо – телефон есть. Раньше на крышу лазал смотреть, что там и как на заводе. Вот написали бы вы о нем...

Куда бы ни пришел сегодня писатель – к рабочим ли, к учителям, в лаборатории ученых, на колхозное поле, к людям военным, – всюду он слышит: написали бы вы, товарищ, о нас; посмотрите, какие дела мы совершаем, какая сложная у нас, полная событиями жизнь. И в самом деле, удержишься на час-другой в комнатке начальника цеха, с бри-

гадиром возле мартена, у директора завода, придешь в заводское общежитие, разговоришься – и уходить не хочется: жизнь наступает на тебя, развертывает перед тобой человеческие судьбы, думы людей; надежды и крушения надежд, борьбу, с ее одолениями и поражениями.

Я чувствовал себя неловко, когда шофер в Донбассе спросил меня, а какого, мол, вы, товарищ, мнения о той книжке про шахтеров, которая ему так понравилась. Я высказал это свое мнение о ее невысоких художественных качествах. Он покачал головой, размышляя:

– Может быть, правда и ваша, всяко бывает... А что же которые поплечистее-то не возьмутся за такое дело? Что у вас там, в руководстве, – комитет, коллегия?

– Правление.

– Вот бы правлением сели да и постарались сообщать про нашу рабочую жизнь. Глядишь, художественней бы вышло...

В одном научно-исследовательском институте Москвы заместитель директора по научной части говорил мне:

– Я считаю, что в своей писательской среде вы должны обсудить вопрос: почему некоторые писатели столь же легко шарахнулись в сторону безудержной критики нашей жизни сегодня, как легко они занимались розовой ее лакировкой вчера? В чем причина? На поверку окажется ведь – это мое такое мнение, – что причина в отступлении от жизненной правды. А причина такого отступления – в отрыве от широ-

кой народной жизни. Я подчеркиваю: именно широкой. При-
ткнувшись носом к стене огромного здания, можно только и
увидеть, что шлепок засохшей дорожной грязи от проехав-
шего на прошлой неделе грузовика. Я не могу принять сего-
дня книгу о страданиях одиночки-изобретателя, мизантро-
па, энтузиаста более производительного выпуска канализа-
ционных труб хотя бы уж потому, что за двадцать пять лет
моей работы в науке действительность, окружавшая меня,
была совершенно иной. Это, во-первых. А во-вторых, в ис-
текающем году мы закончили несколько важнейших работ, в
тысячу раз более сложных, чем все это дело с трубами, и при-
том никакая бюрократическая машина нам не препятствова-
ла. Напротив того, торопила нас. У нас есть свои трудности,
их немало, но они совсем другого свойства. Ни один из нас
не живет двумя картофелинами неделю. Все эти «ужасы»,
как некоторые критики говорят в таких случаях, дурное со-
чинительство. Именно – подчеркиваю – дурное. До крайно-
сти. Учтите, пожалуйста, что фальшивый герой, изображен-
ный в фальшивых обстоятельствах, не обманет вашего чита-
теля. Потому не обманет, что ваш герой – если вы, конечно,
пишете о современности – это ваш же и читатель.

Разговоров, толков, споров о литературе в читательской
среде сегодня, пожалуй, больше, чем в среде самих литера-
торов. Наши читатели и наши герои спорят о социалистиче-
ском реализме, о положительном герое, о художественном
мастерстве, об идейности и партийности литературы. Всех

удивляет, конечно, почему по этим вопросам не высказываются в печати писатели, почему молчат мастера советской литературы, руководящие силы Союза писателей. Не могут же они быть согласны с теми нелепыми и злобными нападениями, какие совершаются на социалистический реализм, на советскую литературу зарубежной реакционной прессой. Не могут же они быть согласны с просочившимся в наши ряды отнюдь не дружественным нам утверждением, что наша литература не говорила правду, говорила полуправду. Может быть, кто-то и был нечестен, это дело каждого – думать или не думать о себе так, но зачем же свои моральные качества приписывать другим?

Читатели ждут от писателей прежде всего книг, хороших книг о жизни народной. Но ждут они писательского горячего слова и о текущих событиях этой жизни, о литературе. Литература у нас давным-давно перестала быть делом только писательским. Она – и читательское дело. Читатель ждет более тесных контактов со своими писателями – не только через книжные издательства, но и через газетные страницы, через более частые личные встречи.

Жизнь, наши герои стучатся в нашу писательскую дверь. Надо распахнуть ее как можно шире. Пусть навстречу жизни выйдут через нее также книги и о наших рабочих. Пусть тот шофер в Донбассе прочтет «о себе» строки, написанные более мастерской рукой. В прошлом таких книг было немало. Немало героев-рабочих знает наша литература. Знаменос-

цем в этой когорте идет горьковский Павел Власов. За ним – Глеб и Даша Чумаловы, увиденные, созданные Ф. Гладковым. По сей день, увлекаясь героическими буднями первых пятилеток, читают у нас «Время, вперед!» В. Катаева, читают «Танкер „Дербент“» Ю. Крымова, читают о тех, кто строил Турксиб и Комсомольск, читают «Соть» Л. Леонова...

Читатель ищет книги, в которых бьется пульс героики труда. Велик подвиг нашего народа. Книги наши должны быть достойными этого подвига.

1957

Всегда быть с народом

Недавно я прочел в газетах о том, что на заводе «Азовсталь» обер-мастер цеха Михаил Карпович Васильев в торжественной обстановке зажег огонь в новой доменной печи № 5.

Два года назад, когда мне в последний раз пришлось побывать на «Азовстали», печь № 5 еще не существовала, еще даже ни одна лопата не копнула землю под котлован для ее фундамента. Но Михаил Карпович уже рассказывал о ней – какая будет она и какими будут печи, которые последуют за пятой, за шестой... Этот человек, готовившийся праздновать свое пятидесятилетие, меньше всего оглядывался назад, он думал о будущем, заботился о нем, размахисто и твердо шел ему навстречу.

Иной раз думается: за твоими плечами почти полвека жизни, ты много чего перевидел и пережил, какими-то детскими годами коснулся дней Великого Октября, так или иначе участвовал в огромных работах партии в годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, ты прошел по-солдатски Отечественную войну и по сей день помнишь, как пахнет порох, – следовательно, и жизнь, дескать, знаешь, и людей знаешь, и больше уже тебе ничего, кроме чернил и бумаги, не надобно для создания твоих книг, пьес и киносценариев. Надеваешь бобровую шапку с бархат-

ным верхом – родственницу тех, что хранятся в Оружейной палате со времен боярской Руси, или распашонку «с пейзажами» – это уж в зависимости от вкуса и эстетических ориентиров – и ходишь преисполненный. И вдруг встречаешь, скажем, Михаила Карповича Васильева, того или иного из его друзей и товарищей и узнаешь, что со времени последней нашей встречи не только пятая домна пошла на заводе, а что один из твоих давних знакомых в заочный институт поступил или английский язык изучает по самоучителю, что другой в прошедшем году руководил всесоюзной школой передовых доменщиков или прокатчиков, что ездил он, например, в Англию посмотреть, как поставлено дело производства металла там. И горизонт у него стал иной по сравнению с тем, что было не так уж и давно, и мысли шире, и знания глубже... Прошло время, и ушагал твой знакомый вперед, ушагал вместе с бурно движущейся нашей жизнью. Своими былыми аршинами его уже не измеришь.

Или читаешь в «Правде» заметку, в которой сказано о том, что шофер грузовой машины на Московском электроламповом заводе Василий Афанасьевич Афонин собрал личную библиотеку более чем из тысячи книг. Батюшки! – подумаешь. Да ведь давно ли то было, когда такой библиотекой и не каждый ученый-то располагал! И разве не потянет тебя, литератора, пойти познакомиться с этим человеком, заглянуть в его жизнь, в его мир?

Серьезные, крупные сдвиги происходят сейчас в нашей

литературе. На призыв партии встать ближе к жизни горячо откликнулись сердца советских писателей. За последний год мы прочли уже немало взволнованных произведений из народной жизни. Их будет все больше по мере того, как станут расти наши литературские связи с людьми заводов и фабрик, колхозных и совхозных полей, научных институтов и лабораторий.

Работа для газеты дает возможность литератору пойти на разведку в жизнь. Сейчас бы самое время газетам нашим широко привлечь к себе писателей, а писателям нашим откликнуться на призыв газет. Какие невиданные дела творятся в нашей стране! Вот-вот от достроечной стенки в Ленинграде отойдет в первое плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин»; вот уже третий искусственный советский спутник совершает круглосуточный облет нашей планеты; вот вступила в строй гигантская гидростанция имени Ленина на Волге; вот уже гранят и шлифуют алмазы, добываемые в Якутии; вот... Этим «вот» нет счета. А что наш читатель знает о людях, стоящих за каждым «вот»? Мало, до обидного мало. В газетах больше констатируются факты и гораздо меньше повествуется о тех, кто, так сказать, повинен в этих фактах. Это же святое дело писателей – рассказывать о людях!

В 1958 году в газете «Ленинградская правда» была опубликована статья одного литератора. Автор рассказывал о том, что он увидел, походив полдня в пределах того квартала, в котором находится его дом. Получилась интересная за-

метка. Оказалось, что, проходя ежедневно по этим местам, литератор многого не замечал «за ненадобностью». Но интересно еще и то, что на этот раз он отправился по улицам и дворам своего «микрорайона» отнюдь не по собственному почину, а по просьбе редакции. Необходимы такие просьбы, необходимы побуждающие обстоятельства. Очень хорошо, например, что газета «Труд» попросила поэта В. Сосюру написать о молодой строительнице Киева Лиде Капитанюк. Для всех это хорошо – и для строителей Киева, и для газеты, и для самого поэта. Он пришел на стройку, ему понравились ее люди, понравился их красивый труд, и он сказал о них такие слова, что, пожалуй, совсем будет не удивительно, если за небольшой заметкой под рубрикой «Люди наших дней» последуют и стихи.

Хотелось бы думать, что в самом ближайшем будущем, раскрывая утром газету, читатель станет находить в ней ежедневно статью, очерк или заметку того или иного советского писателя. Участие в работе газеты – одна из форм – и важнейших форм! – приближения литератора к жизни народа, укрепления его связи с жизнью. У каждого из нас должны быть друзья на заводах, в колхозах, там, где творится наука, должны быть свои любимые герои, о которых писалось бы радостно – все равно, в романе ли или в газетной заметке.

Чернила и кровь

Часто спорят – и в Советском Союзе, и за его рубежами – о том, какое место в литературе должна занимать современность. А мне думается, тут и спорить не о чем: сама практика дает на это исчерпывающий ответ.

Диккенс, Теккерей в Англии, Бальзак, Стендаль, Золя, Роллан во Франции, Драйзер, О. Генри в Соединенных Штатах Америки, Тагор в Индии, Лу Синь в Китае, Толстой, Тургенев, Чехов, Горький в России – все великие, все, чье творчество стало достоянием мировой культуры, волновали и по сей день волнуют умы и сердца читателей своим глубоким, художественным проникновением в современную им жизнь, своим вмешательством в нее, своим стремлением произнести ей свой соответствующий приговор.

Настоящий писатель никогда не стоял в стороне от жизни. Настоящий писатель – это прежде всего общественный деятель, только деятель, участвующий в жизни общества, влияющий на его жизнь специфическими средствами литературы.

Могут сказать: а как же – среди названных выше корифеев мировой литературы были и такие, которые создавали исторические произведения, – например, Лев Толстой с его грандиозным романом «Война и мир», – разве, мол, произведениями на темы истории можно вмешиваться в современную

жизнь?

Так ведь давно известно, что они, эти произведения на темы истории – дальней и ближней, для того и пишутся, чтобы через исторических лиц, через события прошлого, через приметы минувшего – путем невидимых параллелей и аналогий, тончайших сопоставлений – сказать о ней же, о современности. Литераторы, берущиеся за исторические темы лишь во имя фактов истории, живописующие картины минувшие лишь во имя колорита этих картин, составляют исключение.

Это, во-первых. А во-вторых, Лев Толстой, прежде чем написать «Войну и мир», создал множество произведений на темы современности. Каждый писатель, если даже он когда-либо возьмется за разработку исторической темы, начинает все-таки с тем современности. Только современность способна наполнить его чернильницу не чернилами, а живой кровью подлинной жизни; только современность приведет его к подлинному искусству.

В советской литературе есть замечательная книга. Она называется «Чапаев». Написал ее Дмитрий Фурманов. Книга широко известна за рубежами, она не умерла и сегодня, хотя сегодня события, изображенные в ней, стали уже историей.

Может быть, если бы кто-то взялся сейчас писать новый роман о Чапаеве, о его времени, не исключена возможность, что книга была бы обстоятельней, точнее по описаниям, богаче по эпитетам, метафорам и гиперболам, стройнее компо-

зиционно. Нет, не исключена такая возможность. Но не было бы в ней той страсти, того огня, той доподлинности, той впечатляющей правды, какими отмечена книга Дмитрия Фурманова, современника Чапаева, участника сражений Гражданской войны, чапаевского комиссара.

Зарубежному читателю отлично известна и другая советская книга – роман «Поднятая целина» Михаила Шолохова. Двадцать лет прошло со времени написания первой ее части, события коллективизации советской деревни, изображенные в книге, сегодня тоже стали событиями истории. Но никто еще не превзошел Шолохова в правдивости и яркости их изображения. И не только потому, что это писатель большой силы, большого таланта, но и потому, несомненно, что автор книги жил в ту горячую пору в деревне, сам участвовал в событиях, был их современником.

Я мог бы назвать многие десятки, сотни прекрасных книг и советских и зарубежных авторов, книг, сила и художественная ценность которых обусловлены не только талантом создателей, а и тем прежде всего, что создатели их отдали свой талант современности, посвятили его изображению жизни своих современников – для того, чтобы объяснить эту жизнь, изменять ее, улучшать.

Работа над темами современности обогащает писателя знанием человека, помогает ему видеть не только день нынешний, но и заглядывать вперед, в будущее. Для литератора оторваться от современности это все равно что было Ан-

тею оторваться от земли. В самом деле, вот небольшая история. Известно, что в состав Советского Союза входит союзная Узбекская республика – Советский Узбекистан. Если начитаться старых книг, старых архивных документов, летописных пергаментов и свитков да взяться по ним сочинять роман из жизни узбеков, получится книга о богачах-баях, о дехканах-бедняках, о всяческих подлостях и несправедливостях, о тяжелой доле узбекской женщины, которая во времена оны – до революции – была тут основной рабочей силой на хлопчатниковых полях и в домашнем хозяйстве.

Но вот минувшим летом 1959 года я впервые в своей жизни проехал тысячу с лишним километров по Ферганской долине – плодородной огромной впадине среди снеговых гор, изрезанной каналами и арыками, возделанной и цветущей. Где богачи-баи, где бедняки-дехкане? Здесь все стали зажиточными, обеспеченными. Все несправедливости отпали, потому что в колхозах колхозники получают строго по труду, затраченному в коллективном хозяйстве. Уходит в прошлое и некультурная кишлачная жизнь. Из глинобитных хижин люди переезжают в новые дома, окруженные молодыми садами. У многих крестьян-колхозников во дворах появились автомашины, мотоциклы, на смену ишаку как средству передвижения повсеместно пришел велосипед; даже возникла такая проблема: как быть с ишаками, куда их девать? Они уже никому не нужны.

Но зато какой богатый мир – мир чувств, стремлений,

замыслов – откроется тому, кто войдет в жизнь узбекского народа сегодня, кто ближе узнает чудесных людей нового Узбекистана! Нелегко было женщине Востока сбросить ча-чван, переступить через многие староредовские установления, выйти на дорогу полноправной счастливой жизни, но в Узбекистане она это сделала.

Вот вам и готовая канва для романа, для повести, для пьесы.

О прошлом пишут чернилами, о современности – кровью сердца. Может быть, поэтому и труднее писать о современности: строку за строкою, каплю за каплей раздает себя читателям писатель, пишущий о своем времени. Расход велик. Но зато велика и радость, когда современники узнают собственные черты в его книгах, когда его книги раскрывают им глаза на самих себя, когда в его книгах находят они ответы на многие волнующие их вопросы жизни, когда идут они за ним в жизнь, даже сами того не сознавая, дорогой, которую прокладывает он.

Что же тут спорить? Вопрос давно решен практикой, и прежде всего практикой величайших мастеров художественного слова.

Лицо писателя

Студенты Литературного института имени Горького попросили меня написать в их стенную газету о том, как я представляю себе лицо современного молодого литератора.

Отвечу: прежде всего как лицо общественника, общественного деятеля и ни в коем случае не затворника, не отшельника-«мыслителя». Конечно, и отшельники-одиночки, в том случае, когда не обойдены талантом, способны высекать огонь из камня. Но этот огонь тоже будет только для одиночек, для литературных гурманов, для снобов и смакователей – огонь холодный и скоро гаснущий.

Долго живут и волнуют умы миллионов те произведения, в которых изображается подлинно народная жизнь. Спросите тысячу читателей – окажется, что уайльдовский «Портрет Дориана Грея» из них прочли и помнят сегодня десятеро, а «Мать» Горького – многие сотни, хотя и «Портрет» (на русском языке) и «Мать» появились почти одновременно (с разницей в два-три года). Почти в одно время пошли к читателю стихи и словесного эквилибриста Игоря Северянина, и певца российской природы и российской души Сергея Есенина. Лишь поросшие мхом одиночки помнят сегодня трескучие строки «гения» московских и петербургских курсисток. Есенина же знают, как говорится, и стар и млад.

В чем тут дело? Только ли в разности степеней таланта?

И это, конечно, по меньшей мере немаловажно. Но разность степеней таланта обусловила разность взглядов на жизнь, на мир, на человека. Могучие таланты вели художников к народу, в жизнь, в самую ее гущу.

Оскар Уайльд черпал вдохновение в декадентских гостиных Лондона, – Горький тянул в это время трудовую лямку в поволжских городах, исхаживал Россию пешком в стоптанных сапогах из грубой юфти. Северянин пасса на подножном корму гостиных двух российских столиц, – Есенин раскрывал свою душу навстречу трудовому человеку милой ему родины.

Сейчас в литературе толчется кучка неких что-то пишущих пижонов. Пишут они лишь о том, что у них произошло в постели ночью (Северянин очень порадовался бы таким последователям), о том, что увидели они из окна троллейбуса на московских тротуарах, о том, как пушист снег на Никитском бульваре, – чирикают, выходят со своим чириканьем на подмостки «творческих вечеров», аплодисменты девиц со средним образованием принимают как знаки всенародного признания и, упоенные дешевым успехом, все дальше отстраняются от большой народной жизни.

Этому удивляться не надо. Это было всегда. Это издержки, отходы могучего литературного производства, сопутствующие ему паразитарные явления, как ядовито-зеленые омелы на тополях. У омел тоже листья, и даже еще более зеленые и сочные, чем у тополей, но у них нет главного – кор-

ней. Без корней тополя они не смогли бы прожить и дня.

Сегодняшние литературные пижоны тоже не просуществовали бы самостоятельно и дня, не будь всей нашей замечательной советской литературы, в центре внимания которой созидательная, творческая жизнь народа. Такая литература – могучее, цветущее, плодоносящее дерево, и литературные омелы гнездятся в трещинах его коры.

Так вот – к вопросу о лице молодого литератора. Не на трещины в коре надо надеяться, а пускать свои собственные корни в почву. Почвой же для нас, для писателей, может быть только жизнь народа, его радости и горести, его интересы, его стремления и мечты. Перо надо брать в руки не для того, чтобы покрасоваться самому: дескать, вот какой я удивительный, как и что я умею, а для того, чтобы рассказать людям, как красивы они, как поразительны их деяния, как велики их сердца и души, как замечателен их труд.

Чем вернее и вдохновеннее ты опишешь лицо народа, тем лучше будет твое собственное лицо.

1958

«Колесико и винтик»

единого механизма

В самом деле, если задуматься, то в чем же историческое назначение нашей советской литературы? Разве не в том, чтобы помогать народу, своему обществу в достижении целей, какие начертаны на знаменах партии коммунистов? Разве не в том, чтобы, видя, поддерживая ростки нового, явления нового, черты нового и вдохновенно рассказывая о них, прокладывать людям путь в завтра? Разве не в том, чтобы без всякого сглаживания углов изображать непримиримую борьбу нового против старого и неизбежную победу нового над старым? И не в том ли, чтобы со страниц наших книг смотрели на читателя мужественные, умные, озаренные светом больших идей лица его современников, героев великого времени?

Это грубая неправда, когда пытаются уверять, что литература, истинная литература, литература в высоком смысле слова должна стоять над обществом, над волнующими его идеями, над классами, из которых пока что состоит человеческое общество на земле, что она, эта истинная литература, призвана обозревать мир бесстрастным оком ни от кого и ни от чего не зависящего повествователя.

Придавая подобным рассуждениям видимость филосо-

фического наукообразия, нас пытаются запутать, сбить с позиций. Но удастся ли? Не знаю, может быть, лишь электронно-счетная машина способна сочинить роман или поэму так, чтобы на тексте их не отразились ни симпатии, ни антипатии автора, ни его привязанности и темперамент, ни его убеждения. Но человек – нет, не может! Даже если он до предела равнодушный и бесстрастный человек, даже если он и полагает, что уже при жизни вознесен на небеса.

Для чего же тогда говорится о независимости литературы от каких-либо обязанностей перед обществом, о ее – только в таком случае – свободе? Мы давно в этом разобрались, для чего. Исключительно для того, чтобы увести литературу от классовой борьбы на стороне трудящихся классов: сначала ее как оружие борьбы затупить, сделать аполитичной, безыдейной, а затем, если удастся, перековать наново, уже в другом духе. Что ж, шумели, шумели наши противники о свободе литературы от служения политике, а стоило появиться роману «Доктор Живаго», открыто политическому, но антисоветскому, как этот роман был признан у реакционеров выдающимся литературным образцом. Механика проста: все, что служит политике капиталистов, что полезно ей, – создано на основе «свободного, истинно художественного» творчества; все, что служит делу трудящихся классов, делу строительства социализма и коммунизма, то есть идет против политики капиталистов, – это уже нечто, что создано «под давлением», «под нажимом» или написано «лакировщиками», кото-

рые, дескать, служат не столько высокому искусству, сколько своему личному благополучию, так сказать, прислуживаются.

Механика-то проста, но передающие механизмы, с помощью которых она осуществляется, частенько бывают так тщательно закамуфлированы и так хитроумно раскрашены, что получается с виду будто бы они «за», а не «против».

В свое время откуда-то вылез термин «лакировщик», «лакировщики». Посмотришь со стороны, все тут благопристойно: борьба за правду в литературе, против приукрашивания действительности, против отхода от фактов реальности. Но странным было то, что, пока в некоторых литературных кругах клеймили и поносили «лакировщиков» (книги которых, кстати говоря, поносились и в реакционной зарубежной печати), в это же самое время этими же кругами возвеличивались произведения бытописательские, мелкотравчатые, душеустроительские (кстати говоря, такие, которые расхваливались и за рубежами в буржуазной печати)...

Человечество неотрывным взором следит за нашей жизнью, за нашей борьбой, радуется каждой нашей победе, каждому нашему достижению. Людей за рубежами волнует каждое слово, каждая строка об этом. Советские романы, повести, рассказы, когда они прорываются туда сквозь кордоны, переходят из рук в руки, вызывают ответный поток писем с отзывами, с мнениями, пожеланиями. В наших книгах мировой читатель ищет черты нового человека, человека, рож-

денного Октябрем и всего себя отдающего строительству нового общества, борьбе за счастье людское на земле.

Конечно, там, за кордонами, есть и другой читатель – читатель, которому хотелось бы увидеть жизнь нашу в черном свете, что принесло бы ему хоть какую-то надежду на «гибель коммунизма». Он готов выискивать в книгах советских писателей слова и строки, удобные ему, слова и строки, посвященные изображению отрицательного в нашей действительности, хвататься за те произведения, в которых не было бы крупных характеров, не было бы людей сильных, убежденных, сознательно и бескомпромиссно строящих новое, людей, продолжающих революцию.

Но не их же, не этих читателей, видим мы, садясь каждый день за свой письменный стол. Мы видим тех, кто в наших книгах читает о своем будущем, кто сам идет навстречу неизбежному новому.

...Термин «лакировка», «лакировщики» сбил когда-то некоторых работников печати с правильных позиций; его довольно усиленно склоняли в статьях на литературные темы. Надо думать, что возврата к нему не будет. Но никто не может сказать, что атаки на советскую литературу прекратились и что на смену этому термину не появится что-либо иное, новенькое.

Надо иметь в виду, что атаковать произведения о современности могут, сопоставляя их, скажем, с произведениями классиков прошлого. «Нет, это не „Война и мир“, не „Ан-

на Каренина“. Вот взять лермонтовскую „Тамань“ или обратиться к Чехову».

Тут возражать довольно трудно, потому что даже такой всемирно известный роман, как «Тихий Дон», – он ведь действительно не «Война и мир», а «Молодая гвардия» и в самом деле не «Анна Каренина». Они именно «Тихий Дон» и «Молодая гвардия».

Но «Тихий Дон» и «Молодую гвардию», пожалуй, уже не станут таранить романами Л.Н. Толстого. Время прошло, и они тоже стали классикой и вошли в сокровищницу мировой литературы. А вот «Тихим Доном», «Поднятой целиной» и «Молодой гвардией» вполне могут воспользоваться для уничтожения новых и новых выходящих книг. Да, скажут, молодой рабочий парень Казаков из романа В. Очеретина «Саламандра» – это не шолоховский Давыдов. И пусть, дескать, автор «Саламандры» стыдится того, что не он написал Давыдова.

И ведь верно, Казаков не Давыдов. Он – Казаков. Но автору «Саламандры» незачем стыдиться, что не он написал Давыдова. Он радуется тому, что Давыдов есть в советской литературе, созданный пером выдающегося мастера слова, и, радуясь этому, в меру своих сил и своего таланта пополняет ряды литературных героев живым образом Казакова. И пусть не испугается Н. Шундик, если нелегкие судьбы героев его романа «Родник у березы» будут кое-кем признаны нежизненными, а сам роман объявлен «рыхлым», написан-

ным «торопливо». По неизведанным дорогам ходить труднее, чем по давно истоптанным, исхоженным, избитым тысячами каблуков.

Может случиться ведь и так, что из правильных разговоров о необходимости повышать художественный уровень произведений литературы при неумеренных стараниях выйдет не польза, а вред... И дело работников печати – собирать вокруг газет и журналов именно хороших критиков, выращивать их из молодежи, воспитывать, требовать от них хорошего литературного вкуса, политической зоркости, партийности при разговоре о явлениях литературы.

Но ведь существуют еще и плохие критики (а не только писатели, как думается некоторым!), и их не так уж мало. Статьи свои они пишут скверным языком, а мысль часто вкладывают в эти статьи самую примитивнейшую: есть ли это вторая «Анна Каренина» или это не есть вторая «Анна Каренина». Определять, что такое художественно, а что такое нехудожественно, многие еще не научились, и судить им об этом просто преждевременно. Ведь это же факт, что насчитывается немало таких произведений, которые вот уже много лет волнуют читателей, а критики (имею в виду плохих критиков, именно они самые шумливые в таких случаях) шумят, что они нехудожественны. А иные из тех произведений, которые кем-то (даже не найдешь теперь и кем) канонизированы как сверххудожественные, пылятся на полках библиотек без движения и загромаждают склады Книготор-

га.

Видеть надо все это, понимать и давать ему должную принципиальную оценку. Стоит вспомнить, что и книга Н. Островского «Как закалялась сталь» не вызывала в свое время восторгов у тех же самых людей, которые ныне противопоставляют ее книгам современным: дескать, писали же когда-то! И по поводу «Чапаева» бурчали: «Нехудожественно», да и на «Тихий Дон» совершались свирепейшие нападки. Историю нельзя забывать, знание ее помогает избежать некоторых ошибок.

Таким путем, путем «вышибания» одной книги другой книгой достигается лишь то, что сколачивается «обойма» из ограниченного числа имен и произведений, а вокруг «обоймы» – зона пустыни, все сокрушено и вытоптано. Печать не должна способствовать такому вытаптыванию. Литература советская велика и многообразна, ни в какое прокрустово ложе «обойм», рождаемых вкусовщиной и групповщиной, ее не уложишь.

В.И. Ленин, говоря о том, что литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» единого механизма, предвидел те вопли, какие могут подняться «по поводу такого сравнения, унижающего, омертвляющего, „бюрократизирующего“ свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д. и т. д.».

Они были, эти вопли, и еще какие! Время от времени от-

голоски их в тех или иных вариантах слышны и сейчас.

Советская литература, то ее направление, которое открыто встало на сторону миллионных трудовых масс, на путь партийного служения великому делу строительства коммунизма, на путь идейной борьбы, идет через все, завоевывает умы и сердца, расчищает дорогу для нашего движения вперед, помогает нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

1959

О правде и неправде

Идет время, вот уже месяц прошел с того дня, когда в «Литературной газете» была опубликована статья Константина Паустовского «Бесспорные и спорные мысли». Как известно, ей были предпосланы слова редакции, которые оповещали читателей о том, что статья, в числе нескольких других помещенных в том же номере, публикуется независимо от того, согласна или не согласна редакция с теми или иными суждениями автора.

Если перед статьей поставлен такой предупреждающий знак, то естественно предполагать, что статья рядом с бесспорным содержит в себе и нечто, с чем согласиться нельзя, что может – и, очевидно, должно – вызвать возражения.

Почему же все-таки прошел вот месяц, а возражений в печати никаких нет, даже наималейших? (И это, несмотря на то, что и с трибуны писательского съезда, и недавно на собрании московских писателей некоторые положения статьи заслуженно критиковались.) Почему же молчит печать? Может быть, название статье дали по ошибке и спорных мыслей в ней ни единой, только бесспорные? Да, конечно, ничего не возразишь, скажем, против утверждений автора о том, что «писатель никак не может спрятать от народа свое лицо, как бы он этого ни хотел»; собственные писания, раньше или позже, но все равно выдают его с головой, и «он получает

именно ту народную оценку, какую заслуживает». Очень хорошо при этом, что автор статьи говорит о народной оценке; она, к сожалению, критикой не часто учитывается.

Трудно возразить и против такого авторского наблюдения: «Настоящие, подлинные писатели во все времена и во всех странах всегда учились у народа и были органически связаны с ним». Хорошо, что К. Паустовский подчеркивает: «настоящие, подлинные». Это дает возможность тех писателей, которые действительно учились у народа и были органически с ним связаны, называть «настоящими, подлинными», даже если они, по мнению автора статьи «Беспорные и спорные мысли», и не подходят под нормативы, какими, по его мнению, определяются «настоящность» и «подлинность» писателя.

Соглашаемся и с тем, что: «Связь эта (связь писателей с народом. – В. К.), конечно, искусственно не создается». Правда,стораживают слова, идущие вслед за этим: «Никакие писательские командировки не помогут, если целью этих командировок будут исключительно „наблюдательские“ задачи, нарочитое изучение народной жизни – обязательное выспрашивание людей об их делах и работе, присутствие на собраниях, равно как и все остальные виды „любительского“ и туристического ознакомления с народом для сбора подходящего литературного материала».

Словом, в статье есть положения и мысли, спорить с которыми не станешь, хотя бы потому, что и сам автор квали-

фицирует их так: «Все это – простейшие мысли».

Может быть, «простота» мыслей (в дополнение к их «беспорности») – вторая причина того, почему в печати нет возражений К. Паустовскому? Стоит ли, мол, ломать копыя и перья!

Пожалуй, и не стоило бы это все ломать, если бы в статье вновь не зазвучал мотив, с какой-то нудной периодичностью повторяющийся на протяжении многих лет: мотив обвинения советских писателей в неправдивости. В статье сказано: «Может быть, мы так много и громко кричим о правде в литературе именно потому, что ее нам не хватает».

Итак, «нам не хватает правды». Тезису этому осенью исполнится сорок два года, он вступает во вполне зрелый возраст, из-за чего, видимо, уже не вызывает ни у кого никакой сколько-нибудь заметной реакции, к нему утратили интерес, с ним даже вот и не спорят.

Раньше мы очень огорчались, когда нашу литературу обвиняли в неправде. Советские писатели бескомпромиссно сражались против этого вновь и вновь всплывающего тезиса – сражались, поскольку его как свое оружие международный ревизионизм стремился использовать для атак и нападок на нас. Многие при этом горячились и нервничали. Да кто же останется равнодушным в тот час, когда на него возводят ложное обвинение, или, попросту, – поклеп?

А сейчас, когда сущность ревизионизма понятна, изучена, вскрыта и осмыслена даже школьниками, сейчас, как видим,

никто и возражать не хочет тем, которые все еще блуждают с завязанными глазами, отгораживаясь так от «выспрашивания людей об их делах и работе», от «присутствия на собраниях» – от всего, и, видимо, всерьез считают слепую повязку на глазах своим «магическим кристаллом».

Но возразить все-таки надо. И не только потому, что может быть, у тех, кого К. Паустовский подозревает в неправде, в служении полуправде и фальши, иные представления о правде, что эти представления расходятся с представлениями К. Паустовского. В самом деле, К. Паустовский, очевидно, твердо убежден в том, что лишь отстаиваемое им – истинная правда. А ведь оппонент в свою очередь убежден, что тоже отстаивает правду. Почему же К. Паустовский, ратуя за право на убеждения для себя, столь сурово отказывает в праве на это другим? Почему другим он оставляет только возможность «сочетать служение полуправде и полуфальши со служением своему благополучию»? Откуда такое высокомерие по отношению к сотням и тысячам коллег по перу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.